

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ЧЕРТЫ ДИНАМИКИ МОНАСТЫРСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УРАЛЕ (в XIV – начале XX в.)

А. И. Конюченко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. konan6262@mail.ru

Рассматриваются основные этапы появления мужских и женских монастырей на Урале, их развития и функционирования в ходе русской колонизации края в дореволюционный период.

В ходе русской (восточнославянской) колонизации Урала происходила сакрализация пространства, территорий, на которых оседали переселенцы. Ее основные этапы определяли такие события, как возведение часовен, строительство церквей, основание монастырей. Первые монастыри на Западном Урале появляются в XIV в. На восточном склоне Урала монастырское строительство развивается с начала XVII в., когда был основан Николаевский монастырь в Верхотурье. Первые монастыри Урала были мужскими, поскольку возникали в зоне фронта. На маскулинности уральского монашества Средних веков и Нового времени сказывались такие факторы, как низкая плотность населения, производительность труда, неустойчивый социально-экономический баланс, специфическая половая структура населения, сохраняющаяся внешняя опасность. Все монастыри, возникшие в XV–XVII вв. (кроме Успенского Далматовского), были городскими или подгородными. Хотя в XVIII в. русская колонизация охватила Башкирию, женских монастырей к концу этого столетия было в три раза меньше, чем мужских. На протяжении XVIII – первой четверти XIX в. рост монастырей на Урале был приостановлен государственной секуляризационной политикой.

Ключевые слова: *Урал, Русская православная церковь, колонизация, мужские и женские монастыри.*

Русская (восточнославянская) колонизация Урала сопровождалась сакрализацией пространства. Особенностью истории Урала, как и областей, лежащих за ним на восток, заключалась в том, что ускоренная колонизация этих земель пошла после того, как на территории Восточной Европы сложилось сильное централизованное государство Московской Руси. Поэтому и представителями власти, и переселенцами этот край рассматривался как объект колонизации, не являвшийся еще Россией, воспринимавшийся как чужие, «поганые» (то есть языческие) земли, которым были даны нерусские названия – Урал и Сибирь.

Встречаясь с непонятными своими языческими представлениями народами, русские наградили их общим названием – чужь. Народы западных склонов Урала называли чужь заволочкая или заволочская, поскольку они располагались за системой волоков на северные речные системы, зауральские народы – просто чужь. В ходе дальнейшей дифференциации отдельные народы получили «имена собственные». Татар называли «орда проклятая», мордву – «сура поганая», манси – «гамалья чусовая», Сибирь считали «немшоною», а чужь – «заблудящею» [Небольсин: 1849, С. 18].

Чужие, поганые земли становились своими, родными, когда завершалась сакрализация пространства. Она начиналась со строительства часовен, которые впоследствии при изыскании материальных средств становились приходскими церквями. Часовни ставились на объектах окружающей природы и как самостоятельные объекты в память о событиях. Небольшие по размерам деревенские часовни и церкви тем не менее являлись высотными доминантами за счет того, что для них отводились возвышенные и открытые места.

Часовни появлялись на местах явления икон, сгоревших церквей, над местами обретения мощей святых, для упокоения мощей, для проведения молебнов, в память умерших уважаемых людей, на местах гибели или массовых захоронений. Например, в Соликамске часовня была построена на братской могиле соликамцев, погибших во время нападения и разорения города в 1581 г. пелымским князьком Кихеком. В память о 85 погибших во время набега ногайских татар стояла часовня в Чердыни [Голикова: 2010].

На микроуровне структура сакрального пространства в горизонтальной плоскости включала в себя церковь с приходским священником, часовню, кладбище. Более значимым элементом

были монастыри, являвшиеся религиозными центрами округа. Освящение пространства заканчивалось, когда появлялись свои чудотворные иконы и местночтимые святые, которым можно было поклониться и получить духовное и телесное исцеление. В этом смысле появление монастырей можно назвать вторым, средним, этапом сакрализации пространства.

Основание новых обителей в труднодоступных местах сыграло важную роль в развитии русской колонизации, начиная с XIV в. Если ранее в Древней Руси первые монастыри возникали в городах или их округе, то переворот в монастырской жизни совершил Сергей Радонежский (1314?–1392). В 1337 г. вместе с братом в лесной глуши он срубил келью и крохотную церковь, которой было суждено положить начало первой в России лавре.

Если в первое столетие после монгольского нашествия и установления ига (1240–1340 гг.) появилось около трех десятков новых монастырей, то в последующие 100 лет (1340–1440 гг.) возникло около 150 обителей. Около четверти этого числа монастырей было основано учениками преподобного Сергия и учениками его учеников, и почти все они по примеру Сергиева монастыря были пустынями в диких лесах ярославского, вологодского и костромского Заволжья [Ключевский: 1991, С. 18–19].

На западных склонах Урала в 1379 г. просветительскую деятельность среди язычников коми начал близкий к Сергию Радонежскому Стефан Пермский (около 1340–1396), поставленный в 1382 г. епископом новоучрежденной Пермской епархии. Современный Михайло-Архангельский монастырь в селе Усть-Вымь в республике Коми ведет свое начало от основанного Стефаном Пермским монастыря.

В 1462–1463 г. Пермский епископ Иона осуществил очередной этап христианизации коми-пермяков, и в Чердыни, уральской столице, был основан считающийся первым на Урале Иоанно-Богословский монастырь, ставший усыпальницей великопермских князей. К сожалению, информация о монастыре ограничивается внешним описанием: видом монастырских церквей, жилых и хозяйственных построек, имущества, икон, что объясняется содержанием дошедших до нас документов середины XVII в. Источников более раннего периода до нашего времени не дошло [Чагин: 2004].

Вышедшие из поморского крестьянства Строгановы в 1558 г. получили пермские вотчины в Прикамье. Эти разбогатевшие поморские мужи-

ки, поднявшиеся до гостей, в XVII в. – именитых людей, в XVIII в. – баронов и графов, уделяли большое внимание церковному строительству еще в XVI в. Аника Строганов и его сыновья в своих вычегодских и пермских владениях строили церкви и монастыри. Незадолго до смерти Аникой Григорьевич постригся в монашество в основанном им в 1560 г. Спасо-Преображенском Пыскорском монастыре [Введенский: 1962].

В конце XVI в. появляются новые монастыри: Успенский Трифонов близ Хлынова (1580 г.), Преображенский Екатерининский (1582 г.), позднее – Холуницкий Троицкий (около 1590 г.), Слободской Богоявленский (1599 г.) в Вятском крае; Соликамский Вознесенский (около 1579 г., по другим сведениям – в 1591 г.), Подгорный Богородицкий женский (около 1570 г.) на месте перенесенного в Канкор Пыскорского Спасо-Преображенского, Чусовской Успенский (около 1571 г.), Осинский Спасо-Преображенский (1590-е гг.) у Новоникольской слободы в Перми Великой [Шашков, Редин: 1996, С. 24–25].

Вскоре после основания Уфы в 1574 г. на западном склоне Южного Урала в этом городе тоже появляются монастыри: Сергиев (1570–80-е гг.), Успенский (первое упоминание в 1598 г.) – мужские, Христо-Рождественский – женский (первое упоминание в 1619 г.) [Уфимская епархия... 2005, С. 662]. Но, видимо, их существование было непродолжительным.

Первым монастырем на восточных склонах Урала стал Николаевский, основанный в 1604 г. Ионой Пошехонцем. Монастырь появился в Верхотурье, заложенный в 1597 г., то есть через 7 лет после возникновения города. Прозвище основателя объясняется, видимо, его родиной или местом выхода из ярославского Пошехонья.

Есть сведения, что в 1590-е гг. около Осинской слободы некий черный поп Иона Прокофьев Пошехонец основал Преображенский монастырь. Возможно, это был будущий основатель Верхотурского монастыря [Манькова: 1998, С. 290].

По грамотам царя Бориса Федоровича Годунова 1604 и 1605 гг. монастырь получил строительный материал, иконы, кресты, книги, церковную утварь, ризы, два колокола, жалование, пашню и покосы. К 1615 г. монастырь был устроен окончательно, хотя и в скромном виде. При царе Алексее Михайловиче обители было отведено еще 60 десятин земли. Видимо, на монастырских землях стали оседать приходящие крестьяне, поэтому царским указом 1678 г. Тобольскому архиепископу и всем архимандритам и игуменам запрещалось принимать переселенцев и записывать их

за монастырями. Тем не менее к 1681 г. за монастырем числилось 6 небольших деревень [Пуль: 1997, С. 75–77].

Появляются монастыри и в других городах восточного склона: в Тюмени – Преображенский, позднее переименованный в Троицкий (1616 г.), в Туринске – Покровский (до 1621 г.). Вскоре после учреждения в 1620 г. епархии Сибирской и Тобольской по инициативе архиепископа Киприана был построен Невьянский Богоявленский монастырь. Примерно тогда же на реке Тагил возникает Рождественский монастырь [Манькова: 2008, С. 85, 90]. Видимо, большинство появившихся в это время обителей со временем приходили в запустение или погибали в пожарах.

Спустя 40 лет после возникновения монастыря в Верхотурье инок Далмат (1594–1697), тайно ушедший из Богоявленского Невьянского монастыря с иконой Успения Пресвятой Богородицы, поселился на Белом Городище в месте впадения реки Течи в Исеть. Это необжитое место дало начало Успенскому Далматовскому монастырю, вокруг которого стали расти русские населенные пункты. Если прежние уральские монастыри возникали в городах (Чердынь, Соликамск, Верхотурье), то Успенский Далматовский стал первопроходцем в Исетско-Теченском бассейне и сыграл важную роль в ходе русской колонизации на Среднем Урале Восточного склона.

Отцом Далмата (в миру – Дмитрий Иванович Мокринский) был казачий березовский атаман, выходец из рязанских дворян, а мать – крещеная татарка. Родился Дмитрий в Берёзове. Как и его отец, поступил на военную службу, обзавелся семьей. Около 1627–1628 гг. его перевели из Берёзова в Тобольск. В 1628 г. он значится городничим, а в 1633 г. – находится уже на должности приказчика в Вагайском острожке. В 1642–1643 гг. Д. И. Мокринский оставил службу и ушел в Богоявленский Невьянский монастырь, где принял постриг. Около 1644 г., стремясь к уединению, он покинул обитель и остановился в глухом месте, от которого до ближайшего города Тюмени, где находился военный гарнизон, было пять дней пути. Земля, на которой осел Далмат, принадлежала тюменскому ясачному татарину Илигею, который дважды пытался прогнать монаха со своей земли [Варнава, 2004; Манькова, 2004]. Видимо, для Илигея незванный гость был хуже татарина.

По церковному преданию, Илигей оставил Далмата в покое после того, как явившаяся ему во сне Богородица повелела не только не трогать старца, но и отдать ему землю. Первым, кто на-

шел Далмата в Исетской пустыни, был старец Иоанн из Нижнего Новгорода. Сюда же пришел и сын Далмата Иван, получивший при пострижении имя Исаак (?–1724), в 1666 г. он стал игуменом, но вскоре был отстранен от настоятельства по обвинению в сочувствии старообрядцам. В 1675 г. игуменом был поставлен Афанасий (в миру – Алексей Артемьевич Любимов). Ему подчинялись церкви ближайшей округи – Служней слободы, Катайского острога, села Покровского, Ощепковской, Камышловской и Куяровской слобод [Манькова: 2004, С. 76–79]. Впоследствии он был вызван в Москву и возведен на новоучрежденную кафедру епископа Холмогорского и Важского. Уроженец Тюмени архиепископ Афанасий (1641–1702) слыл просвещеннейшим человеком своего времени и вошел в историю как выдающийся писатель, религиозный и политический деятель [Верюжский: 1908].

Далматовский Успенский монастырь стал не только известным религиозным центром богословской мысли и культуры, но и экономически благополучной обителью. Монастырь жил не только за счет осевших на льготных условиях на его земле крестьян. Монахи освоили ряд промыслов: пошив обуви и конской сбруи, производство кирпича, ловлю рыбы, добычу руды и производство железа. Именно монахи указали место для строительства металлургического завода. На месте железодельной заимки монастыря на речке Каменке был построен Каменский завод, выплавивший 15 октября 1701 г. первый на Урале чугун.

Уральские монастыри зоны фронта XV–XVII вв. были преимущественно мужскими, поскольку в зоне колонизационного освоения половая структура населения отличалась от глубинных русских районов: мужское население преобладало над женским. На гендерный состав монашеских обителей непосредственное влияние оказывала зона фронта, порубежья, где они возникали: пионерами колонизации являлись отряды казаков и служилых людей.

В этих условиях женщины находились в униженном положении. Патриарх Филарет писал в 1622 г.: «<...> в сибирских городах <...> люди живут <...> по своим скверным похотям <...> подговаривают многих жонок и девок и привозят их <...> и держат их за жен вместо <...> и иные всякие дела делают, чего не токмо писати, слышати жалостно и Богу мерзко». Для выравнивания половой структуры населения Урала администрация принимала определенные меры. Например, в 1630 и 1637 гг. на Русском Севере: в городах

Великий Устюг, Тотьма, Соль-Вычегодск – формировались отряды девиц в «жонки» служилым людям [Сорокин: 1992, С. 6].

Низкая плотность населения, производительности труда, неустойчивый социально-экономический баланс, сохраняющаяся внешняя опасность обуславливали маскулинность уральского иночества Средних веков и Нового времени. То, что на своих мужских плечах вытягивали монахи – рощности под пашни, сельскохозяйственные и строительные работы, оборонительные действия, было не под силу женскому иночеству. Кроме того, урало-сибирские монастыри изначально выполняли функции богаделен – Божьих приютов для немощных. То есть обители были ориентированы на одиноких служилых людей, оставивших службу по возрасту, ранам, болезни, чтобы им «за их службы и раны» было где «при смертном часе головы преклонити» [Бахрушин: 1992].

Все монастыри, возникшие в XV–XVII вв. (кроме Успенского Далматовского), были городскими или подгородными: Иоанно-Богословский в Чердыни (основан в 1462–1463 гг.), Спасо-Преображенский под первым строгановским укрепленным городком Камкор (в 1560 г.), Успенский Трифонов близ Хлынова (Вятки, в 1580 г.), Вознесенский в Соликамске (в конце XVI в.), Николаевский в Верхотурье (в 1604 г.)

Существование за пределами города было крайне небезопасно. Например, во время набега на Исетскую пустынь Далмата в 1651 г. погибли 3 старца и 17 послушников, 20 человек были уведены в плен. В живых осталось лишь 3 старца и 4 послушника, которым удалось спрятаться. В 1662 г. в слободе под монастырем татаро-башкирский отряд сжег церковь, 15 крестьянских дворов и мельницу, на которой погиб находившийся при ней старец. Всего в 1662–1664 гг. Исетская обитель трижды пережила набеги башкир, калмыков и татар под предводительством кучумовичей, сопровождавшиеся пожарами, грабежами и убий-

ства жителей монастырских деревень [Манькова: 2004, С. 72–74].

В начале XVIII в. самым популярным на Урале среди мирян стал Николаевский Верхотурский монастырь. Это произошло после того, как в 1704 г. из села Меркушино были перенесены мощи первого святого Восточного Урала – праведного Симеона, верхотурского чудотворца. С этого момента монастырь стал привлекать тысячи паломников не только с Урала, но и с разных концов страны. Это повысило не только религиозное значение монастыря, но и его материальное благополучие. В 1712 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин, побывавший в Верхотурье, предписал строить вместо деревянного каменный храм [Пуль: С. 77]. Это удивительно, поскольку каменное зодчество в Урало-Сибирском регионе было редкостью, а после начала строительства Петербурга оно было запрещено по всей стране.

Если в XVII в. русские поселения долгое время продолжали окаймлять территорию проживания башкир, не вторгаясь в ее глубь, то в XVIII в. русская колонизация сдвинулась с мертвой точки благодаря петровской модернизации и хлынула в Башкирию. К концу XVIII в. территория всего Урала прочно вошла в состав Российской империи. Подавлением последних башкирских восстаний (1735–1740 и 1755–1756 гг.) была устранена вооруженная угроза для русских поселений, включая монастыри. Даже крестьянская колонизация Южного Урала завершилась в основном к концу столетия под прикрытием линий крепостей. Но женские обители по-прежнему уступали по численности мужским. К концу XVIII в. их было в три раза меньше мужских (см. табл. 1).

В XVIII в. положение монастырей стало существенно меняться. Прагматическое отношение Петра к церкви обусловило наступление на обители. Царь хотел превратить монастыри в рабочие дома, богадельни для подкидышей и отставных солдат-инвалидов, монахов – в больничный пер-

Таблица 1¹

Распределение монастырей по губерниям (1796 г.)

Губерния / область	Монастыри по штатам 1764, 1786, 1795 гг.								Дополнительно открытые с 1766 по 1796 г.	Всего к 1796 г.	Из них		
	1 класс		2 класс		3 класс		заштатные				м	ж	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж					
Вятская	-	-	1	-	1	-	3	1	-	-	6	5	1
Пермская	-	-	-	-	3	-	-	-	2	-	5	5	-
Уфимская	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	2	-	2

¹ Составлено по: Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи / сост. В. В. Зверинский. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 1–8; СПб., 1892. – Т. 2. – С. 1–13.

сонал, а монахинь – в ремесленниц-пряделниц и кружевниц [Флоровский: 1991, С. 102–103]. Обитатели ограничивались в средствах обеспечения: монашествующим устанавливалось годовое содержание, доход сверх этого поступал в казну [Анисимов: 1989, С. 344]. Видимо, именно этим объясняется тот факт, что в XVIII в. на Урале не возникло ни одного монастыря.

Дело Петра продолжила Екатерина II, осуществившая секуляризацию монастырского имущества и разделившая монастыри на штатные, получающие в качестве компенсации за отобранную недвижимость годовые субсидии из государственной казны, и заштатные, не получившие ничего взамен и предоставленные сами себе. В 1764 г. было упразднено 67% женских обителей, в результате чего возникла диспропорция между мужскими и женскими монастырями. Последние к 1796 г. составляли лишь 19,3% от общего числа [Конюченко: 2008, С. 15].

За 30 лет правления Екатерины было открыто 37 новых монастырей. За менее чем пятилетнее правление Павла Петровича (1796–1801 гг.), вполне благосклонно относившегося к церкви, их появилось 14: 11 мужских и 3 женских. За первые 5 лет царствования Александра Павловича (1802–1807 гг.) обителей не прибавилось. В 1807–1817 гг. было открыто лишь 7 монастырей – в среднем менее чем по одному в два года. Такое незначительное количество появления новых обителей по сравнению со временем предыдущих правителей объясняется новым поворотом церковно-государственных отношений, личными качествами обер-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына и самого императора. Увлеченный идеями либерализма Александр назначил на пост обер-прокурора человека, далекого от веры и понимания православия. Но за последний период царствования Александра с 1818 по 1825 г. появилось 8 новых обителей [Конюченко: 2008, С. 16–17].

Возможно, этот поворот был обусловлен тем, что на смену модным прежде в России идеям просвещения пришло увлечение мистикой. Склонность к мистике ярко проявилась и у Александра [Флоровский: 1991, С. 130–132], но со временем конфессиональная всеядность обер-прокурора пришла в противоречие со взглядами императора, поворачивавшего к строгому православию [Смолич: 1996, С. 212].

На Урале новых обителей не появилось не только в XVIII в., но и в первой четверти XIX в. Если раньше монастыри пользовались поддержкой государственной власти в виду важной роли

в колонизации региона, то в XVIII в. она уже была завершена, и необходимость в новых обителях отпала в глазах государства, а среди местных жителей не было человеческого резерва и стремления к иночеству. Негативно сказывались последствия секуляризации, в результате которой появились необщежительные монастыри, получавшие деньги на содержание согласно штатному расписанию, поделившему обители на 3 класса. Получение денежных сумм из государственной казны развращало монашествующих, сопротивлявшихся общежительному уставу. В особножительных монахи имели общим только братскую трапезу, а одежду и все остальное необходимое приобретали самостоятельно.

К примеру, Николаевский Верхотурский монастырь по штатам 1764 г. получил 3-й класс: 13 мест для братии и 8 – для монастырских служащих. Но в силу того, что после секуляризации обители значительно обеднели, монастырь оказался не в состоянии заполнить штатные места. В 1764 г. в нем было 8 монашествующих, через 4 года в 1768 г. осталось 6. В 1784 г. в монастыре насчитывалось 9 человек: игумен, иеромонах, монах и 6 послушников. Вплоть до середины 1820-х гг. количество монастырской братии так и колебалось в пределах 7–10 человек, ни разу не достигнув штатной нормы. Иногда количественный и качественный состав насельников грозил обители закрытием. В 1818–1819 гг. в монастыре не осталось ни одного монаха, одни послушники. Настоятель – архимандрит Иероним проживал в монастыре значительно меньше по времени, чем в Перми, где он возглавлял духовную семинарию [Нечаева: 1998, С. 298–299].

Хотя монастырь постепенно улучшал свое материальное положение, но это не сказывалось положительно на моральном климате в обители. Монахи оказывались «не всегда исправны» в послушаниях, оказывались виновны в пьянстве, грубости, сквернословии, самовольных отлучках из монастыря, раздорах при дележе доходов обители. Один послушник в 1819 г. на предложение принять постриг с горечью ответил, что пришел в монастырь четыре года назад с искренним желанием постричься, и это желание не покинуло его. Но исполнить его он не может «по причине несуществующего в здешнем монастыре благочиния и братолюбия ныне» [Нечаева: 1998, С. 300–301].

В царствование Николая Павловича (1825–1855 гг.) было основано, восстановлено и передано православным от униатов в Западных районах империи (Литве, Белоруссии и Правобережной Украине) 68 монастырей – 49 мужских и 19

женских. На Урале и в Сибири за этот период появилось по одной обители [Конюченко: 2008, С. 16–17].

В период царствования Александра Николаевича (1855–1881 гг.) было открыто 48 новых монастырей – 34 мужских и 14 женских, в том числе по 2 обители на Урале и в Сибири [Конюченко: 2008, С. 18].

С 1860-х гг. происходит феминизация монашества России. В целом численность монашествующих мужского пола с 1850 по 1914 г. возросла в 2,4 раза, женского – в 7,1 раза, а общая численность данной паствы за данный период увеличилась в 2,1 раза. С 1840 по 1913 г. число мужских монастырей в России увеличилось на 103, женских – на 355, рост православного населения в стране составил 223,9%. И если монашествующих мужского пола стало больше на 221,2%, что почти полностью совпало с приростом населения, то число инокинь возросло неизмеримо непропорционально увеличению роста православной паствы – на 712,1% [Конюченко: 2004, С. 125]. Такая же тенденция и ситуация в начале XX в. наблюдалась и в уральских епархиях (см. табл. 2).

Стремительное увеличение числа женских иноческих обителей и их насельниц на Урале можно объяснить следующим. Во-первых, изменилось качество колонизационных процессов

в местах оседания миграционных потоков. Во-вторых, произошло изменение демографической структуры населения региона по половому признаку. И в-третьих, женскому полу была присуща повышенная по сравнению с мужским социальная ранимость. В результате изменившейся половозрастной структуры населения монастыри стали притягивать к себе выпавших из среды привычных социальных связей, отношений взаимной зависимости вдов, старых дев, сирот, инвалидов и других женщин, не сумевших отыскать индивидуальную нишу в рамках мирской жизни.

Постоянный и стабильный рост женских монастырей объясняется и большим количеством общин, игравших роль ближайшего резерва женских обителей. Этим объясняется и значительное количество послушниц, что особенно заметно в сравнении с числом послушников в мужских монастырях. Чтобы обеспечить растущие как грибы женские монастыри богослужбными, жилыми и хозяйственными зданиями, им передавались постройки захиревших мужских монастырей [Конюченко: 2004, С. 126].

Процесс появления новой женской обители не был стремительным, а занимал определенное, иногда продолжительное время. Крупнейшая на Урале женская Ново-Тихвинская обитель в Екатеринбурге в 1796 г. была зарегистрирована

Таблица 2¹

Распределение монастырей, монашествующих и послушников по епархиям (1859, 1901 гг.)

Епархия	Мужские монастыри			Женские монастыри		
	Количество	Монашествующих	Послушников	Количество	Монашествующих	Послушниц
Вятская 1859 г. 1901 г.	4 7	44 69	30 126	2 5	32 74	52 610
Екатеринбургская 1901 г.	4	64	185	5	189	1017
Оренбургская 1859 г. 1901 г.	2 3	9 31	2 51	- 9*	- 227	- 1280
Пермская 1859 г.	5	42	30	1	77	181
Уфимская 1859 г. 1901 г.	3 5	23 29	35 82	1 5**	15 204	76 1057

* Число женских монастырей в Оренбургской епархии на 1901 г. указано с неизвестным количеством общин.

** Число женских монастырей в Уфимской епархии на 1901 г. указано вместе с одной общиной.

¹ Составлено по: РГИА, Ф. 796. Оп. 141. Д. 2 641; Оп. 182. Д. 464.

как община, а монастырский статус приобрела в 1809 г. К началу XX в. в обители было 6 храмов, вместительная богадельня, хорошая школа. Расположенный на небольшой возвышенности в южной части города, монастырь открывался взору со всех сторон.

Стремившаяся к уединенной жизни крестьянская девица Анна Полежаева вместе с тремя сподвижницами устроили себе в начале 1840-х гг. кельи-землянки на острове южноуральского озера Чебаркуль, где они прожили полтора года. Но уединенное существование вдали от храма, до которого нужно было добираться на лодке, оказалось слишком сложным. Остров пришлось оставить, но и на новом месте – в Еткульской пустыне – жизнь не сложилась. Тогда Анна совершила паломничество в Успенскую Киево-Печерскую

лаву и к соловецким чудотворцам. Вернувшись из путешествия, она поступила в женский монастырь в Уфе, для того чтобы подготовиться к монастырским порядкам, и прожила здесь пять месяцев [Будрина: 2010, С. 29–30].

После этого она по совету духовного отца переехала в Челябинск, где приобрела в Заречье рядом с Троицкой церковью старый небольшой деревянный домик. Поселившись в нем, Анна принимала желающих разделить с ней иноческую жизнь, и в течение пяти лет к ней поступило 15 девиц разного возраста. Благочестивый образ их жизни привел к тому, что город отвел для устройства будущей обители место на старом кладбище. Посетивший в 1848 г. Челябинск епархиальный архиерей Иосиф благословил мирских инокинь. Лишь в 1854 г. была утверждена Оди-

Таблица 3¹

Мужские монастыри Урала (1915 г.)

Название монастыря и место его нахождения	Время основания	Тип
Вятская и Слободская епархия		
1. Пророчицкий (Яранский уезд)	1898	Заштатный, общежительный
2. Иоанно-Предтеченский (г. Сарапул)	1900	Заштатный, общежительный
3. Слободской Кресто-Воздвиженский (г. Слободск)	1599	3 класса., необщежительный
4. Спасский (г. Орлов)	1693	Заштат., необщежит.
5. Успенский Трифонов (г. Вятка)	XVI в.	2 класса, необщежительный
6. Александро-Невский Филейский (Вятский у.)	1890	Заштатный, общежительный
Екатеринбургская и Ирбитская		
1. Николаевский Верхотурский (г. Верхотурье)	1604	1 класса, общежительный
2. Успенский Далматовский (г. Далматов)	1644	2 класса, общежительный
3. Кыртомский Крестовоздвиженский (Ирбитский у.)	1878	Заштатный, общежительный
Оренбургская и Тургайская		
1. Успенско-Макарьевский (Оренбургский у.)	1895	Штатный, общежительный
2. Николаевский (Оренбургский у.)	?	Штатный, общежительный
3. Николаевский (Троицкий у.)	?	Штатный, общежительный
4. Георгиевский (Челябинский у.)	?	Штатный, общежительный
Пермская и Соликамская		
1. Свято-Николаевский Белогорский (Осинский у.)	1897	Заштатный, общежительный
2. Свято-Троицкий (г. Соликамск)	XVI в.	Заштатный, общежительный
3. Свято-Троицкий Гороблагодатский (Пермский у.)	Начало XX в.	Заштатный, общежительный
Уфимская и Мензелинская		
1. Алексеевский (Стерлитамакский у.)	1904	Заштатный, общежительный
2. Богородицкий Одигитриевский Чувашский (Белебеевский у.)	1901	Заштатный, общежительный
3. Владимирский (Бирский у.)	1904	Заштатный, общежительный
4. Воскресенский единоверческий (Златоустовский у.)	1849	Заштатный, общежительный
5. Богородицкий Камско-Берёзовский Черемисский (Бирский у.)	1901	?
6. Успенский (Уфимский у.)	Начало XVII в. / 1893	Заштатный, общежительный

¹ Составлено по: РГИА, Ф. 797. Оп. 85. Д. 389.

гитриевско-Богородичная община, а в 1862 г. она была зарегистрирована как монастырь [Будрина: 2010, С. 30–31].

Другая часть сестер перешла из Чебаркульской крепости в Троицк, где поселилась при кладбище. С помощью городской думы и троичан сестры обзавелись жилыми и хозяйственными постройками и преобразованной из часовни церковью во имя Казанской иконы Божьей Матери. Сестры занимались рукоделием и полевыми работами. В 1856 г. община была учреждена официально, а в 1865 г. получила статус монастыря [Очерк: 2000, С. 3–8].

К 1910 г. в пяти уральских епархиях насчитывалось 33 женских монастыря и 21 мужской. Мужские уступали женским не только по своей численности, количеству монашествующих и послушников, но и по духу. Оренбургский епископ Мефодий отмечал, что «мужские обители по внешнему и по внутреннему своему состоянию много уступают женским» и находятся буквально в состоянии «жалкого прозябания»¹.

Инерция неприятия кинонии и сила сопротивления введения общежития была настолько велика, что обособительные монастыри оставались вплоть до 1917 г. Это значит, что и монастырский уклад жизни был не одинаков. К 1908 г. общежительный устав действовал в 196 мужских монашеских братствах [Зырянов: 1999, С. 242] из 523-х, что составляло 37%. На Урале появившиеся в XIX – начале XX в. монастыри, естественно, начинали свою жизнь с общежительных уставов и были заштатными. Даже старейшие Свято-Троицкий Соликамский, Николаевский Верхотурский и Успенский Далматовский были переведены на общительный устав, хотя два последних сохранились в числе штатных монастырей первого и второго классов. Неприятие общежительного устава объяснялось утратой монашеством древней традиции и сложившейся привычкой, с которой было связано в их сознании более комфортное существование и удовлетворение личных, индивидуальных потребностей.

История уральского монашества имела свои особенности. Первые монастыри на канонической территории Киевской митрополии Константинопольского патриархата появлялись в местах исконного проживания восточных славян, принявших православную веру. Постепенно обители рас-

пространялись на смежные территории, где жили соседи славян – финно-угры. Так продолжалось в течение домонгольского периода. После монгольского нашествия в первые сто лет ига динамика монастырского строительства замедлилась, но затем воспитанники преподобного Сергия Радонежского и ученики его учеников разворачивают беспрецедентное распространение обителей в глухих местах язычества с низкой плотностью населения. То есть в данный период монашествующие играют роль первопроходцев русской колонизации. Вслед за ними приходят и оседают крестьяне. Совместными усилиями монашествующих и крестьян происходит экономическое освоение земель и сакрализация пространства.

С приходом на западные земли восточных славян римо-католиков начинается ополячивание и окатоличивание населения посредством прямого захвата православных церквей и монастырей и распространением на них Брестской унии. Ответный удар был нанесен митрополитом Иосифом (Семашко), сумевшим вернуть в лоно православия многих униатов в западных губерниях Российской империи.

На Урале вследствие долго сохранявшейся «внешней» опасности со стороны местных жителей обители возникают в большинстве случаев под защитой городских укреплений, то есть в городах и пригородах. Единственный монастырь, появившийся за пределами расселения русских мигрантов, сполна испытал на себе ужасы набегов окрестных жителей. В глазах власти уральские монастыри играли важную роль как в сакрализации пространства, так и в хозяйственной колонизации, почему и пользовались государственной поддержкой.

В синодальный период рост монастырей на Урале был остановлен государственной политикой на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. В 1860-е гг. в регионе начинается феминизация монашества, как и по России в целом. Женские монастыри не уходят из городов, а тянутся к ним, поскольку это облегчало становление и существование. При этом в некоторых епархиях они по своему внутреннему устройству превосходили мужские. Но последние в подавляющем большинстве были переведены на жизнь по общежительному уставу, за исключением трех монастырей Вятской епархии.

¹ РГИА, Ф. 796. Оп. 442. Д. 2 717. Л. 22 – 22 об.

Список литературы

1. Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е. В. Анисимов. – Л., 1989.
2. Бахрушин, С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. / С. В. Бахрушин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. – Пг., 1922.
3. Будрина, Р. Челябинский Одигитриевский женский монастырь (1904 г.) / Р. Будрина // Дореволюционный Челябинск в слове современников. Собрание текстов. – Челябинск, 2010.
4. Варнава (Аверьянов). Почитание преподобного Далмата Исетского и его попечение о нас / Варнава (Аверьянов) // Четыре века православного монашества на восточном Урале. Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского. (Екатеринбург – Меркушино, 17–20 сентября 2004 г. – Екатеринбург, 2004.
5. Введенский, А. А. Дом Строгановых / А. А. Введенский. – М., 1962.
6. Верюжский, В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды с связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века / В. М. Верюжский. – СПб., 1908.
7. Голикова, С. В. Культурные сооружения (часовни и храмы) как элементы православного ландшафта Урала XVIII – начала XX в. / С. В. Голикова // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). – Екатеринбург, 2010.
8. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. / П. Н. Зырянов. – М., 1999.
9. Ключевский, В. О. Благодатный воспитатель русского народного духа / В. О. Ключевский // Знамя преподобного Сергия Радонежского. – Новосибирск, 1991.
10. Конюченко, А. И. Основные этапы и некоторые особенности монастырского строительства в России в XIX – начале XX в. / А. И. Конюченко // Четыре века православного монашества на восточном Урале. Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского. Екатеринбург – Меркушино, 17–20 сентября 2004 г. – Екатеринбург, 2004.
11. Конюченко, А. И. География православных мужских монастырей и численность черного духовенства / А. И. Конюченко // Историко-краеведческий альманах «Бирская старина». – Бирск, 2008.
12. Манькова, И. Л. Настоятели Верхотурского Николаевского монастыря XVII – первой четверти XVIII в. / И. Л. Манькова // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г. Екатеринбург – Верхотурье. – Екатеринбург, 1998.
13. Манькова, И. Л. Братия Далматовского Успенского монастыря / И. Л. Манькова // Четыре века православного монашества на восточном Урале. Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского. Екатеринбург – Меркушино, 17–20 сентября 2004 г. – Екатеринбург, 2004.
14. Манькова, И. Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. / И. Л. Манькова // Урал. истор. вестн. – 2008. – № 4 (21).
15. Небольсин, П. Покорение Сибири. Историческое исследование / П. Небольсин. – СПб., 1849.
16. Нечаева, М. Ю. Быт Верхотурского монастыря после секуляризационной реформы (1764 г. – 20-е годы XIX в.) / М. Ю. Нечаева // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции 26–28 мая 1998 г. Екатеринбург – Верхотурье. – Екатеринбург, 1998.
17. Очерк по истории Казанского женского монастыря города Троицка. К 135-летию со дня основания / сост. Антоний (Бутин), Т. О. Воронова. – Челябинск, 2000.
18. Пуль, В. В. Основные этапы истории Свято-Николаевского мужского монастыря / В. В. Пуль // Верхотурский край в истории России. – Екатеринбург, 1997.
19. Смолич, И. К. История Русской церкви. 1700–1917 / И. К. Смолич. – М., 1996.
20. Сорокин, М. Дефицитные невесты / М. Сорокин // Урал. следопыт. – 1992. – № 11.

21. Уфимская епархия Русской православной церкви: справочник – путеводитель / авт.-сост. П. В. Егоров, Л. Г. Рудин. – М., 2005.

22. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс, 1991.

23. Чагин, Г. Н. Чердынский Иоанно-Богословский монастырь в первой половине XVII в. / Г. Н. Чагин // Четыре века православного монашества на восточном Урале. Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского. Екатеринбург – Меркушино, 17–20 сентября 2004 г. – Екатеринбург, 2004.

24. Шашков, А. Т. История Урала с древнейших времен до конца XVIII века / А. Т. Шашков, Д. А. Редин. – Екатеринбург, 1996.

Сведения об авторе

Конюченко Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.

konan6262@mail.ru

Magistra Vitae.

2017. No 1. P. 100–111.

MILESTONES AND FEATURES OF THE MONASTERY CONSTRUCTION IN URAL (PRE-REVOLUTIONARY PERIOD)

A. I. Konyuchenko

Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. konan6262@mail.ru.

The article studies the main stages of convents and monasteries emerging in the Urals, their development and functioning during the Russian colonization of the territory throughout the pre-revolutionary period.

During the Russian (Eastern-Slavic) colonization of Ural one could see the sacralisation of spaces and territories where settlers established their residence. Its main stages were the erection of chantries, the construction of churches and the foundation of monasteries. The first monasteries in West Ural appeared in the 14th century. On the east side of the Urals one could notice monasteries construction from the beginning of the 17th century, when the St. Nicholas Monastery was founded in Verkhoturys. The first ones to appear in Ural were monasteries, since it was the frontier where they were built. Low population density, labour productivity, unsustainable socio-economic balance, specific gender patterns of the population and continuing external threat affected the masculinity of the Ural monkhood of the Middle Ages and the Modern Age. All the monasteries that emerged from the 15th to 16th century (except for the Uspensky Dalmatovsky Monastery) were urban or suburban. Although in the 18th century Russian colonization covered Bashkiria, convents were three times fewer than monasteries. Throughout the 18th – the first quarter of 19th century the growth of religious houses in Ural was stopped by the state secularization policy.

Keywords: *Ural, the Russian Orthodox Church, colonization, monasteries and convents.*

References

1. Anisimov E.V. *Vremya petrovskikh reform* [The time of Peter's reforms]. Leningrad, 1989. 344 p. (In Russ.).

2. Bakhrushin S.V. *Istoricheskiy ocherk zaseleniya Sibiri do poloviny XIX v.* [The historical outline of the settlement of Siberia to half of the 12th century]. *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri* [Essays on the history of the colonization of the North and Siberia]. Petrograd, 1922. (In Russ.).

3. Budrina R. *Chelyabinskiy Odigitrievskiy zhenskiy monastyr' (1904 g.)* [Chelyabinsk Odigitrievsky convent (1904)]. *Dorevolyutsionnyy Chelyabinsk v slove sovremennikov* [Pre-revolutionary Chelyabinsk in words of contemporaries]. Chelyabinsk, 2010. Pp. 29–30. (In Russ.).

4. Varnava (Aver'yanov). Pochitanie prepodobnogo Dalmata Isetskogo i ego popechenie o nas [Veneration of the Rev. Dalmat Isetsky and his care for us]. *Chetyre veka pravoslavnogo monashestva na vostochnom Urale* [Four centuries of Orthodox monasticism in the eastern Ural]. Ekaterinburg, 2004. Pp. 60–62. (In Russ.).
5. Vvedenskiy A.A. *Dom Stroganovykh* [The Stroganov House]. Moscow, 1962. (In Russ.).
6. Veryuzhskiy V.M. *Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy. Ego zhizn' i trudy s svyazi s istoriey Kholmogorskoj eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniya i voobshche Russkoy tserkvi v kontse XVII veka* [Athanasius, Archbishop of Kholmogorsky. His life and works from the connection with the history of the Kholmogory diocese for the first 20 years of its existence and in general the Russian churches at the end of the XIII century]. Saint Petersburg, 1908. (In Russ.).
7. Golikova S.V. Kul'tovye sooruzheniya (chasovni i khramy) kak elementy pravoslavnogo landshafta Urala XVIII – nachala XX v. [Religious buildings (chapels and temples) as elements of the Orthodox landscape of the Urals XVIII – early XX centuries]. *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost'.* *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ekaterinburg, 18–20 aprelya 2010 g.)* [Orthodoxy in the fate of the Urals and Russia: history and modernity. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on 18–20 April 2010, Ekaterinburg]. Ekaterinburg, 2010. Pp. 15–19. (In Russ.).
8. Zyryanov P.N. *Russkie monastyri* [Russian monasteries]. Moscow, 1999. (In Russ.).
9. Klyuchevskiy V.O. *Blagodatnyy vospitatel' russkogo narodnogo dukha* [A benevolent educator of the Russian national spirit]. *Znamya prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo* [Flag of St. Sergius of Radonezh]. Novosibirsk, 1991. Pp. 18–19. (In Russ.).
10. Konjuchenko A.I. Osnovnye jetapy i nekotorye osobennosti monastyrskogo stroitel'stva v Rossii v XIX – nachale XX v. [Milestones and some features of the monastery building in Russia in the XIX – early XX century]. *Chetyre veka pravoslavnogo monashestva na vostochnom Urale* [Four centuries of Orthodox monasticism in the eastern Ural]. Ekaterinburg, 2004. Pp. 60–62. (In Russ.).
11. Konyuchenko A.I. Geografiya pravoslavnykh muzhskikh monastyrey i chislennost' chernogo dukhovenstva [Geography of Orthodox monasteries and the number of black clergy]. *Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh «Birskaya starina»* [Historical and regional studies almanac “Birskaya Starina”]. Birsk, 2008. (In Russ.).
12. Mankova I.L. *Nastoyateli Verkhotur'skogo Nikolaevskogo monastyrya XVII – pervoy chetverti XVI-II v.* [The abbots of the the St. Nicholas Monastery in Verkhotur'ye in 17th – the first quarter of the 18th century]. *Kul'turnoe nasledie rossiyskoy provintsii: istoriya i sovremennost'* [Cultural heritage of the Russian provinces: history and modernity]. Ekaterinburg, 1998. 290 p. (In Russ.).
13. Mankova I.L. *Bratiya Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya v XVII v.* [Dalmatovsky friary of the Uspensky Monastery in 17th century]. *Chetyre veka pravoslavnogo monashestva na vostochnom Urale* [Four centuries of Orthodox monasticism in the eastern Ural]. Ekaterinburg, 2004. Pp. 60–62. (In Russ.).
14. Mankova I.L. *Formirovanie pravoslavnogo landshafta Zaural'ya v XVII v.* [Formation of the Orthodox landscape of Trans-Urals in the 19th century]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [The Ural Historical Journal], 2008, no. 4 (21). (In Russ.).
15. Nebolsin P. *Pokorenie Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Conquest of Siberia. Historical research]. Saint Petersburg, 1849. (In Russ.).
16. Nechaeva M.Y. *Byt Verhoturskogo monastyrya posle sekuljarizacionnoj reformy (1764 g. – 20-e gody XIX v.)* [Life of the Verkhotur'sky monastery after the secularization reform (1764 – 20-ies of the XIX century)]. *Kul'turnoe nasledie rossijskoy provincii: istoriya i sovremennost'* [Cultural heritage of the Russian province: history and modernity]. Ekaterinburg, 1998. (In Russ.).
17. Antoni (Butin), Voronova T.O. (eds.). *Ocherk po istorii Kazanskogo zhenskogo monastyrya goroda Troitska. K 135-letiyu so dnya osnovaniya* [An essay on the history of the Kazan convent of Troitsk. To the 135th anniversary of the foundation]. Chelyabinsk, 2000. Pp. 3–8. (In Russ.).
18. Pul V.V. *Osnovnye etapy istorii Svyato-Nikolaevskogo muzhskogo monastyrya* [Mainly the stages of the history of the St. Nicholas Monastery]. *Verkhotur'skiy kray v istorii Rossii* [Verkhotur'sky krai in the history of Russia]. Ekaterinburg, 1997. Pp. 75–77. (In Russ.).
19. Smolich I.K. *Istorija Russkoj cerkvi. 1700–1917* [History of the Russian Church. 1700–1917]. Moscow, 1996. (In Russ.).
20. Sorokin M. *Defitsitnye nevesty* [Deficient brides]. *Ural'skiy sledopyt* [The Ural Pathfinder], 1992, no. 11, p. 6. (In Russ.).

21. Egorov P.V., Rudin L.G. (eds.). *Ufimskaya eparkhiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi: spravochnik – putevoditel'* [Ufa diocese of the Russian Orthodox Church: directory – guide]. Moscow, 2005. 662 p. (In Russ.).

22. Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Vil'nyus, 1991. (In Russ.).

23. Chagin G.N. Cherdynskij Ioanno-Bogoslovskij monastyr' v pervoj polovine XVII v. [The Cherdynsky Monastery of St. John the Evangelist in the first half of the XVII century]. *Chetyre veka pravoslavnogo monashestva na vostochnom Urale* [Four centuries of Orthodox monasticism in the eastern Ural]. Ekaterinburg, 2004. Pp. 60–62. (In Russ.).

24. Shashkov A.T., Redin D.A. *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of Ural from ancient times to the end of the 18th century]. Ekaterinburg, 1996. Pp. 24–25. (In Russ.).